

II-9.
17-110.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ШРИТЧИ

и.и.

ЕЗОПЪ У КСАНӨА.

Комедія съ куплетами, въ двухъ дѣйствіяхъ.

СӨЧИНЕНІЕ

Князя А. А. Шаховскаго.*

7052
~~7982~~

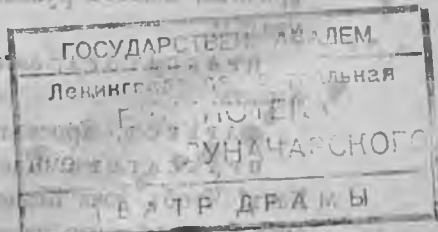
Басни въ ней приведенныя, взяты изъ Крылова, Дмитріева, Хемпидера и вновь переведены съ древнихъ языковъ авторомъ.

X-XI

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

- КСАНӨЪ, философъ и риторъ Самосскій.
- ПРАКСАГОРА, его жена
- ЛЕСБІЯ, ихъ дочь.
- ПИСӨЕНЪ, ученикъ
- ЕЗОПЪ, рабъ
- МАРКЕСЪ, садовникъ

КСАНӨА.

* Эта пьеса, одна изъ лучшихъ маленькихъ комедій, написанныхъ на русскомъ языкѣ, никогда еще не являлась въ печати, хотя давно уже на репертуарѣ. Покойный авторъ назначилъ ее для *Пантеона* еще при жизни, но мнѣ пришлось исполнить его желаніе только послѣ его смерти. *Редакт.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ садъ при домѣ Ксанѳа.

I.

МАРКЕСЬ, ПОТОМЪ ПРАКСАГОРА И ЛЕСБІЯ.

МАРКЕСЬ

Вотъ я чего не понимаю:
Цвѣты сажаю я съ умомъ,
Лелѣю, холью, поливаю!
А все растутъ они съ трудомъ;
Напротивъ же, трава дурная
Сама собой бѣжитъ вотъ такъ,
Что я, день цѣлый вырывая,
Всей вырвать не могу никакъ!

Эта проклятая дурная трава мнѣ мозолить пальцы и кружить голову. . . . Но я спрошу объ ней Ксанѳа, моего господина,—онъ философъ; обучаетъ въ Самоссѣ логикѣ—и самъ говоритъ, что все знаетъ, то какъ же ему не знать дурной травы. . . Ба! кто это выходитъ изъ дома? Не онъ ли? Ахъ, нѣтъ, Праксагора, жена его. Она мнѣ надоѣла больше дурной травы: цѣлый день кричить, какъ лягушка въ болотѣ, и какъ репейникъ, во что вцѣпится, то не скоро оторвешь. . . . Она говоритъ съ дочерью, кричить, машетъ руками,—такъ убратъся же мнѣ, пока меня не увидѣла.

ПРАКСАГОРА, за кулисами. Нѣтъ! этому не бывать, не бывать! . . .

МАРКЕСЬ. Проскользну между кустовъ. (*уходитъ.*)

ПРАКСАГОРА. Какъ? Чтобъ я согласилась на эту глупость? Какъ? Чтобъ дочь Ксанѳа, перваго философа въ Самоссѣ, а что еще больше: почти перваго богача, вышла за Плисѳеена Аммоніона, послѣдняго изъ учениковъ, и что еще хуже: за бѣдняка?

ЛЕСБІЯ. Твое разсужденіе, матушка, недостойно супруги философа, который совсѣмъ другое проповѣдуетъ.

Вчерашняго его урока
 Еще полна вся голова:
 Ахъ! въ сердцѣ и въ умѣ глубоко
 Миѣ врѣзались его слова:
 «Къ богатству жадность—мать пороковъ!»
 Онъ говорилъ ученикамъ. . .

П Р А К С А Г О Р А

Онъ говорилъ: однакожъ самъ
 Имъ даромъ не давалъ уроковъ?

Отецъ твой, какъ философъ, учитъ тому, что велитъ философія, а дѣлаетъ то, что ему или миѣ надобно, и беретъ чистымъ золотомъ за свои уроки. Да что было-бы путнаго въ философіи, еслибъ она не приносила пользы?

ЛЕСБІЯ. Такъ почему же и Плисѣенъ, набравшись у Ксанѳа Философіи, за послѣднее свое золото, не можетъ и самъ преподавать ее другимъ и разбогатѣть такъ-же, какъ батюшка.

П Р А К С А Г О Р А. А потому, что онъ два года какъ пріѣхалъ изъ Амморіона, а еще, по словамъ Ксанѳа, не научился логически говорить, объяснять, доказывать, убѣждать, и прочая.

Л Е С Б І Я.

А я такъ увѣрена въ противномъ.

Чтобъ о любви понятъе дать,
 Учитель говорилъ прекрасно;
 Но миѣ, признательно сказать,
 Казалось что-то все неясно.
 Бывало мысли углублю,
 Постичь стараюсь, — все напрасно:
 А ученикъ сказалъ: люблю!
 И все миѣ сдѣлалось ясно.

П Р А К С А Г О Р А. О! что касается до любви, то это самая слабая часть Ксанѳовой Логикки; онъ никогда объ ней не умѣлъ говорить порядочно. . . . Но я не хочу, чтобы ты говорила съ Плисѣеномъ, не только о любви, но о чемъ бы то ни было. По милости его, ты ужъ сдѣлалась не такъ привержена къ родителямъ и къ богамъ.

ЛЕСБІЯ. Напротивъ, батюшка находитъ, что я никогда не была такъ къ нему привержена: я не пропускаю ни одного урока! А съ тѣхъ поръ, какъ узнала Плисѣена, то еще больше прежняго люблю боговъ.

ПРАКСАГОРА. А это отчего?

ЛЕСБІЯ.

Отецъ мой, гениемъ высокимъ
Постигнувъ тайны существа,
Училъ: почтеніемъ глубокимъ
Платить за благодѣя божества;
Писменъ же, уступя ученью
И знаньямъ моего отца,
Вдохнувъ въ меня любовь къ творенью,
Заставилъ обожать Творца.

ПРАКСАГОРА. Такъ ты, пожалуй, прикажешь благодарить его за твою воспитаніе? . . . Да вотъ отецъ твой: посмотримъ, будетъ ли онъ ему благодаренъ!

II.

ТЫЖЕ и КСАНѢ.

ПРАКСАГОРА. Поди, великій философъ, упади на колѣна передъ мальчикомъ! Скажи ему, что ты передъ нимъ, со всей твоей логикой, совершенный глупецъ.

КСАНѢ. Что ты говоришь? Предъ кѣмъ я глупецъ?

ПРАКСАГОРА. Предъ ученикомъ твоимъ, который ей объясняетъ то, чего ты объяснить не умѣешь.

КСАНѢ. Какъ! Онъ объясняетъ то, чего Ксанѣ объяснить не умѣеть. . . . Ха, ха, ха! . . . Я бы хотѣлъ знать, кто это говоритъ и кто этому вѣрить?

ПРАКСАГОРА. Вотъ она—и говоритъ, и вѣрить.

КСАНѢ. Дочь моя . . . кровь моя . . . можетъ вѣрить
Нѣтъ, нѣтъ, Праскагора, ты ослышалась!

ЛЕСБІЯ. Нѣтъ, батюшка, я говорила, что хотя краснорѣчїе твое прекрасно, но ученикъ твой, не смѣя равняться съ тобою ученостью, знаніемъ и гениемъ, заставляетъ сердце чувствовать то, въ чемъ ты убѣждаешь разсудокъ.

КСАНѢ. А! это другое дѣло

ПРАКСАГОРА. Ты только слышалъ о своемъ краснорѣчїи, знанїи, учености, чести, убѣжденїи и разсудкѣ: да дѣло все не въ нихъ, а въ сердцѣ.

КСАНѢ. Но сердце должно покоряется разсудку; разсудокъ убѣждается краснорѣчїемъ; краснорѣчїе совершенствуется уче-

ностью, а ученость постигается гениемъ, этимъ огнемъ, похищеннымъ съ небесъ Промеѳеемъ, этимъ участкомъ божества, который мы называемъ душою, бессмертнымъ духомъ, вдохновеніемъ,— и передъ которымъ сердце, какъ вещьественность, и потому жертва тлѣна, не можетъ и не должно ничего значить.

ЛЕСБІЯ. Можетъ быть; только

КСАНЕЪ. Что? . . . Что? . . . Говори, я люблю слушать и направлять твои разсужденія.

ЛЕСБІЯ.

Разсудокъ, знанія и гений,
Огнь Промеѳея, или душа,
Насъ ставятъ выше всѣхъ твореній,
Понятіе о богахъ внуша;
Но сердце, эта жертва тлѣна,
Разиолагаетъ душу въ насъ,
Любить

ПРАКСАГОРА.

Кого?

ЛЕСБІЯ.

Обонхъ васъ.

ПРАКСАГОРА.

Прибавь: а больше васъ—Плисѳена.

КСАНЕЪ. Плисѳена!

ПРАКСАГОРА. Да, Плисѳена, Плисѳена, слышишь ли ты? Плисѳена.

КСАНЕЪ. Какъ! развѣ я ей не говорилъ, что Плисѳенъ не можетъ быть ея мужемъ? Я объяснилъ ей это очень ясно.

ПРАКСАГОРА. Можетъ быть и ясно; только напрасно. Она любитъ Плисѳена, и твои объясненія ни къ чему не годятся. Скажи—ка лучше просто, какъ я говорю: не бывать тебѣ за Плисѳеномъ, не входить ему въ домъ мой.

КСАНЕЪ. Да чтожъ ты этимъ доказываешь?

ПРАКСАГОРА. А то, что я мать, и что такъ хочу, — вотъ и все.

КСАНЕЪ. И твое *все* — ровно *ничего* не значить по Логикѣ.

ПРАКСАГОРА. Да значить *все* въ моемъ домѣ! Не ты ли самъ мнѣ далъ во всемъ домашнемъ полную власть? Я не мѣшаю твоей учености, а ты не мѣняй моему хозяйству.

КСАНЕЪ. Да дочь моя принадлежитъ къ учености, она ходитъ въ мою школу.

ПРАКСАГОРА. А еслибъ она не ходила въ твою школу, то

не выучилась бы любить Плисёена; а умѣла бы стряпать кушанье; была бы послушной дочерью, хорошей женою

КСАНЁЪ. Которая бы шумѣла, кричала и не давала покоя своему мужу.

ПРАКСАГОРА. Какъ? Что ты хочешь этимъ сказать?

КСАНЁЪ. Я хочу сказать, что дочь моя не должна думать о Плисёенѣ Или, лучше сказать, она можетъ объ немъ думать, ибо мысли имѣютъ свободную волю; но не можетъ выдти за него, потому, что счастливое супружество, какъ и всякое условіе, требуетъ совершенной свободы и равенства; а такъ какъ, во первыхъ: дочь зависитъ отъ воли родителей, и потому дѣйствія ея не свободны; а во вторыхъ: Плисёенъ бѣденъ, а она богата, то между ними и нѣтъ совершеннаго равенства.

ЛЕСБІЯ. Если бы мнѣ позволили, то я могла бы доказать. . . .

ПРАКСАГОРА. Не позволяю.

КСАНЁЪ. Позволимъ ей, мой другъ Не ужели ты думаешь, что ея доказательства могутъ быть сильнѣе моихъ? Говори.

ЛЕСБІЯ. Противъ перваго, я не смѣю ничего говорить, а противъ втораго скажу: Плисёенъ, конечно, теперь бѣденъ; но, обучаясь у славнѣйшаго философа, онъ можетъ со временемъ сдѣлаться тоже богатымъ, какъ и его учитель.

КСАНЁЪ. Да, многіе мои ученики, и изъ самыхъ непонятливыхъ, сдѣлались учителями въ другихъ мѣстахъ. Но я говорю не о будущемъ, а о настоящемъ.

ЛЕСБІЯ.

А въ настоящемъ, мы равно
Несчастливы отъ богатства оба,
Равно страдать намъ суждено,
Равно клялись любить до гроба,
Равно, безъ скорби, этотъ свѣтъ
Оставить въ насъ душа готова:
И вотъ безъ равенства какого
Въ супружествѣ блаженства нѣтъ.

ПРАКСАГОРА. Ну, мудрецъ! Каково доказано?

КСАНЁЪ. Право не дурно.

ПРАКСАГОРА. Нѣтъ, очень дурно. А гораздо бы лучше было, еслибъ ты запретилъ ей ходить въ твой школьный нортикъ, которой бы я давно сожгла, еслибъ онъ не приносилъ намъ дохода.

КСАНЁЪ. И ты бы открыла новое средство гасить огнемъ свѣтъ просвѣщеніе. . . . Но оставимъ это; а поговоримъ о томъ, что до тебя касается.

ПРАКСАГОРА. А что до меня касается?
КСАНЕЪ. Хозяйство. Ты желала, чтобы я тебѣ купилъ не-
вольника, для поварни,—я купилъ.

ПРАКСАГОРА. И вѣрно какого нибудь полуученаго всезнайку?
КСАНЕЪ. Напротивъ; когда я его спросилъ: что онъ знаетъ?
Онъ мнѣ отвѣчалъ: *ничего!* — и я его взялъ въ свой домъ, чтобы
доказать, какъ двѣ противоположности сходятся вмѣстѣ.

ПРАКСАГОРА. Да гдѣ жъ онъ и каковъ собою?

КСАНЕЪ. Вообрази себѣ молодаго, очень стройнаго человѣ-
ка, съ голубыми глазами, съ свѣтлыми волосами, съ кораловымъ
ртомъ, съ жемчужными зубами. . . .

ПРАКСАГОРА. Ну, такъ чтожъ?

КСАНЕЪ. И ты совершенно увидишь противное этому.

ПРАКСАГОРА. Такъ ты купилъ урода?

КСАНЕЪ. Да, онъ можетъ похестся совершенствомъ въ сво-
емъ родѣ — т. е. въ безобразіи.

ПРАКСАГОРА. Кого-же ты хочешь имъ пугать?

КСАНЕЪ. Онъ именно просилъ меня купить его, потому, что
очень полезенъ для маленькихъ дѣтей: когда они разблажатся,
то стоитъ его показать, — и они, отъ страха, ради будутъ все
дѣлать.—Ну, я его и купилъ.

ПРАКСАГОРА. Да кого-жъ ты имъ хочешь усмирять? ужъ не
меня ли?

КСАНЕЪ. Развѣ ты дитя?

ЛЕСБІЯ. Ахъ! какъ я хочу видѣть этаго пугалу. . . .

КСАНЕЪ. Я его оставилъ за оградой; поди, позови его.

ЛЕСБІЯ. Тотчасъ. . . (*бѣжитъ за кулисы и кричитъ*.) Ахъ!

ПРАКСАГОРА. Что сдѣлалось?

КСАНЕЪ. Ничего, она увидѣла моего Езопа; и ведетъ его. . . .

II.

ТВЪЖЕ И ЕЗОПЪ.

ПРАКСАГОРА. Боги! Что за чудовище!

ЛЕСБІЯ. И я сначала его испугалась. . . . А теперь не могу
удержаться отъ смѣха.

ПРАКСАГОРА.

Нѣтъ, я на этого урода

Смотрѣть безъ страха не могу.

Да въ немъ поругана природа:
 И развѣ нынче на торгу
 Однихъ чудовищъ продавали,
 И ты лучше не нашелъ?

Е з о п ъ.

Орловъ къ орлицамъ разобрали,
 И онъ къ тебѣ сову привелъ.

п р а к с а г о р а. Что ты говоришь?

е з о п ъ. Я говорю, что твой мужъ меня къ тебѣ привелъ.

п р а к с а г о р а. Да ты что-то прежде сказалъ.

е з о п ъ. Я прежде молчалъ, и думалъ. . . .

п р а к с а г о р а. А что ты думалъ?

е з о п ъ. Я думалъ, что въ томъ домѣ, гдѣ нѣтъ маленькихъ дѣтей, какъ мнѣ сказалъ мой господинъ, я не услышу дѣтскаго разсужденія.

п р а к с а г о р а. Какъ дѣтскаго? Что ты хочешь сказать?

е з о п ъ. Притчу, если ты позволишь.

п р а к с а г о р а. Я ничего тебѣ не позволяю.

к с а н е ъ. И душа моя, пусть онъ говоритъ: ты, услыша его слова, можешь вѣрнѣ рѣшишь, оставить его намъ, или нѣтъ.
 — Говори.

Е з о п ъ.

Былъ домъ,

Гдѣ подъ окномъ

И чижъ и соловей висѣли,

И пѣли.

Лишь только соловей бывало запоетъ,

Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:

Все птичку показать, къ отцу онъ приступаетъ,

Что этакъ хорошо поетъ.

Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ

Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ!

Которая тебя такъ много забавляетъ?

Тотчасъ на чижику мальчишка указалъ.

— Вотъ, батюшка, она! — сказалъ.

И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньи:

»Какія перушки! Куда, какъ онъ пригожъ!

»Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Вотъ дѣтское сужденье.

Да полно и въ житействѣ тожъ:
О людяхъ многіе по виду заключаютъ.

Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

ксанѣъ. Да эта басня не безъ ума. . .

праксагора. Напротивъ, совсѣмъ глупа.

ксанѣъ. Позвольте мнѣ судить объ умѣ,—это мое дѣло.

праксагора. Ты можешь судить объ умѣ; а я сужу о глупости; только не о своей, а о твоей.

ксанѣъ. Праксагора, мнѣ кажется, ты забываешь съ кѣмъ ты говоришь.

праксагора. Я говорю съ человѣкомъ, который всѣхъ учитъ уму, а самъ дѣлаетъ глупости. . . На что ты привелъ этого урода?—Мнѣ нуженъ поваръ, а не шутъ съ побасенками; мнѣ надобенъ человѣкъ, а не чудовище. Я его не хочу видѣть.

ксанѣъ. Если ты не хочешь его имѣть при себѣ, то я его возьму; пусть онъ будетъ служить мнѣ, прибирать мой портікъ, готовить мой хартин и слушать мои уроки.

праксагора. Я не хочу, чтобы онъ жилъ въ моемъ домѣ, чтобы онъ служилъ тебѣ, чтобы слушалъ твои уроки, до которыхъ, впрочемъ, мнѣ нѣтъ дѣла.

ксанѣъ. А когда тебѣ нѣтъ дѣла, то позволь ему. . .

праксагора. Не позволю. . .

ксанѣъ. Да почему же?

праксагора. Такъ.

ксанѣъ. Да что доказываетъ твое *такъ*?

праксагора. Что—бы оно ни доказывало, а я не неповоляю.

ксанѣъ. Постыдись, хотя его: что онъ скажетъ? . . .

езопъ. А вотъ, что я скажу:

Собака на снѣгъ лежала,

И солнышкомъ пригрѣтая, слегка

Какъ будто задремала.

Тутъ бѣдный волъ, не ѣвши ни клочка,

Все утро провозился съ плугомъ,

Проходитъ скошеннымъ до чиста лугомъ,

И видитъ сѣно. Ну какъ сѣнца не много не поѣсть?

Волъ издали къ нему протягиваетъ губы.

Оскалила собака зубы,

Щетиной поднялася шерсть,

Ворчить; а волъ тихомъ подходитъ ближе,
 Собака взяла: и Волъ, направа лыжи,
 Крутя хвостомъ, мычить:
 Собака ты презлая,
 Не убьешь для тебя какая,
 Что съѣмъ я клокъ сѣнца: ты пользуешься—ль имъ?
 Сама не ѣшь—и не даешь другимъ.

ксанеъ. Изрядно. . . очень изрядно.

праксагора. Этотъ уродъ, кажется, сравниваетъ меня съ собакой: а ты его похваливаешь! Такъ пусть я, по его, собака; да ученье твое не лучше сѣна; оно, кромѣ ословъ и воловъ, ни для кого не годится. . . ѣшь его самъ, и убирайся съ этимъ уродомъ, или отдай мнѣ мое приданое, и я васъ здѣсь обоихъ оставлю. Смѣшите вдвоемъ весь городъ,—и пусть знаютъ, что Ксанеъ промѣнялъ жену на урода; что Ксанеъ учитъ всѣхъ презирать богатство для того, чтобы собирать его; что онъ говоритъ, какъ философъ, а поступаетъ какъ. . .

ксанеъ. Молчи! . . .

праксагора. Мнѣ молчать?—Нѣтъ, этого не будетъ: я стану кричать здѣсь, тамъ, вездѣ. . . Но не могу видѣть этого урода и потому только ухожу. (*уходитъ.*)

ксанеъ. Нѣтъ, я за ней пойду, и скажу ей. . .

езопъ. Не говори; она не услышитъ.

ксанеъ. Я стану кричать.

езопъ. Все таки не услышитъ; досада хуже глухоты.

ксанеъ. Но я уничтожу ея досаду силой доказательствъ.

езопъ. Алкидъ и сильнѣе тебя былъ, а не могъ сладить.

ксанеъ. Съ кѣмъ?

езопъ. Съ Раздоромъ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
 Столь славный мужествомъ и силою чудесной,
 Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стреминъ,
 Стезей опасною и тѣсною,

Вдругъ видитъ на пути, свернувшись, будто ёжъ,
 Лежить, чуть видное—не знаетъ, что такое:
 Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И чтожь?

Оно раздулося и стало больше вдвое.

Отъ гнѣва вспыхнувъ тутъ, Алкидъ,

Тяжелой палицей своей его разить.

Глядитъ,

Оно становится страшнѣе съ виду.

Толстѣть, бухнеть и ростеть,
 И заслоняетъ путь Алкиду.
 Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
 Сталъ въ удивленьи, недвижимъ.
 Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
 «Оставь напрасный трудъ, мой братъ,» она сказала.
 «Чудовищу сему названіе: *Раздоръ*.
 «Не тронуто—его едва примѣтитъ взоръ;
 «Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться,
 «Оно отъ браней лишь тучнѣе становится,
 И вырастаетъ выше горъ.»

к с а н ѳ . Я надѣюсь, что мы подыме́мъ нашу ношу, хотя она, признаюсь, и тяжела. . . Прощай, я иду къ Праксагорѣ. У меня будутъ ужинать нѣсколько пріятелей;—я заговорю ей о столѣ между блюдами поднесу тебя,—и надѣюсь, что моя логика, будетъ достаточной тебѣ приправой.

(*уходитъ*)

IV.

ЛЕСБІЯ И ЕЗОНЪ.

Езонъ. Ты, я думаю, знаешь правъ твоей матушки, то какъ думаешь: закроетъ ли его логика мои горбы?

Лесбія.

У батюшки съ ней логика простая:
 Онъ *говоритъ*; она *кричитъ* свое,
 И онъ, во все́мъ ей будто уступая,
 Все дѣлаетъ, что хочетъ изъ нее.
 Въ другихъ мѣстахъ, жена своимъ покорствомъ
 Надъ мужемъ будто надъ рабомъ властна;
 А здѣсь женой владѣетъ мужъ потворствомъ,
 А думаетъ имъ властвовать жена.

Езонъ. А! понимаю: его философія жалустъ лести.

Лесбія. Ахъ нѣтъ; онъ вчера еще говорилъ ученикамъ своимъ очень сильно противъ лести.

ЕЗОНЪ.

Ужь сколько разъ твердили міру,
 Что леть гниуща, вредна; но только все не въ прокъ,
 И въ сердцѣ лъстець всегда отыщеть уголокъ.
 Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;

На ель ворона взгромоздясъ,
 Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралася,
 Да призадумалася, а сыръ во рту держала.
 На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.

Вдругъ сырнй духъ лису остановилъ.
 Лисица видитъ сыръ, — лисицу сыръ плѣнилъ.
 Плутовка къ дереву, на цыпочкахъ, подходитъ,
 Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
 И говоритъ, такъ сладко, чуть дыша:

» Голубушка, какъ хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Разсказывать, такъ, право, сказки!

Какія перушки! какой носокъ!

И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ.
 Слой, свѣгикъ, не стыдись.—Что, ежели, сестрица,
 При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
 Вѣдь ты-бъ у насъ была Царь — птица!»

Вѣщуньяна съ похвалъ вскружилась голова,
 Отъ радости въ зобу дыханье сперла

И на привѣтливъ лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыръ выхалъ — съ нимъ была плутовка такова.

ЛЕСБІЯ. Знаешь ли, что ты меня очень забавляешь своими баснями: и я рада, что хотя онѣ заставляютъ меня забыть на минуту мое несчастье.

ЕЗОНЪ. Ахъ, какъ бы я радъ былъ, еслибы онѣ меня заставили забыть мое горестное положеніе.

ЛЕСБІЯ. Какое?

ЕЗОНЪ. Я родился во Фригій; отецъ мой оставилъ мнѣ въ наслѣдство свое рабство: и вотъ уже меня въ третій разъ продаютъ, какъ рабочую лошадь.

ЛЕСБІЯ. Да, это ужасно! Но утѣшься! — у насъ ты будешь счастливъ, батюшкѣ ты полюбишься, матушкѣ полюбишься, а я тебя очень полюбила; жительство въ нашемъ домѣ очень хорошее: спроси у Маркеса, нашего садовника, желаетъ ли онъ насъ оставить? Онъ всегда веселъ, поетъ.

езопъ. Я этому всему вѣрю; но вотъ что объ этомъ постъ знакомая мнѣ птичка.

Задумалъ кто-то птицъ ловить

И западно имъ выставляетъ,

Наклавъ въ нее всего довольно—ѣсть и пить.

А чтобы птицъ еще вѣриѣ приманить,

Обманъ къ обману прибавляетъ,

И птичку въ западно сажаетъ,

Которую словилъ.

Когда-же онъ такой обманъ употребилъ,

Чтобъ птичка, въ клеткѣ разпѣвалъ,

Другимъ приманкою была,

И, голосомъ своимъ прельщая,

Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала,

Одна изъ птичекъ подлетѣла,

И къ западнѣ, на голосъ птички той,

Подсѣла.

Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой; ⁶

Но вдругъ, подумавши съ собой,

» Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,

Сомнителенъ мнѣ голосъ твой,

Не проста здѣсь и ты, да и запасъ такой!

Я, правда, цѣлой день не ѣла,

Однако въ тѣсноту такую не пойду;

А въ поле полечу; тамъ кормъ себѣ найду,

Какой я и всегда, хоть и съ нуждой, имѣла;

А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,

Да только тѣсно жить!«

езопъ. Ахъ! я и сама думаю, какъ эта птичка; и постара-
лась бы вылетѣть изъ западни.

езопъ. И я постарался бы, да вотъ въ чемъ бѣда:

+

Въ неволѣ неутѣшно быть:

Какъ не стараться

Свободу получить?

Да надобно за все, подумавъ, приниматься,

Чтобы большой бѣды отъ малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотѣла,

И привязь стала было рвать;

Не рвется привязь: ну, грызть ее. . . и переѣла.
 Но тою жъ привязью опять,
 Которой связаны концы короче стали,
 Короче прежняго собаку привязали.

л е с б і я . Да, это можетъ случиться; но у кого же ты прежде служилъ?

е з о п ъ . Я долго былъ слугою въ Амморіонѣ.

л е с б і я . Въ Амморіонѣ?

е з о п ъ . Да, и надѣялся выдти на волю. Обо мнѣ старался сынъ господина моего, юноша добрый, прелестный, умный. . .

л е с б і я . Юноша добрый, прелестный? . . . Ахъ! какъ мое сердце забилось. . .

е з о п ъ . Отчего?

л е с б і я . Такъ. А какъ зовутъ его?

е з о п ъ . Плисѣенъ, сынъ Калистратовъ.

л е с б і я .

Плисѣенъ! я тотчасъ угадала;
 И ошибиться не могла;
 Его я имя не слыхала,
 А, кажется, сейчасъ — бы назвала.
 Онъ точно юноша прелестный,
 Со всѣми ласковъ, добръ и милъ;
 И самъ ты человекъ пречестный,
 Когда тебя онъ полюбитъ.

е з о п ъ . Онъ меня очень любитъ; да не такъ страстно, какъ тебя.

л е с б і я . А ты это почему знаешь?

е з о п ъ . По глазамъ твоимъ. — Такъ онъ бываетъ здѣсь?

л е с б і я . Всякой день; онъ ученикъ батюшкинъ; и я дивлюсь, что еще его нѣтъ здѣсь. Плисѣенъ никогда къ урокамъ не опаздывалъ.

VI.

ТЪ ЖЕ и ПЛИСѢЕНЪ.

п л и с ѣ е н ъ . А развѣ онъ оноодалъ?

л е с б і я . Какъ бы ты рано ни пришелъ, но мнѣ все кажется, что поздно. Но посмотри сюда. . . .

плисѣенъ. Ахъ, Езопъ, другъ мой! Ты ли это?
езопъ. Меня еще, благодаря матери моей природѣ, никто не принималъ за другаго.

плисѣенъ. Какъ я радъ! Ты здѣсь: стало быть отецъ мой сдержалъ слово, онъ далъ тебѣ свободу.

езопъ. Онъ все дожидался.

плисѣенъ. Вѣрно моего возвращенія?

езопъ. Моей дряхлости.

плисѣенъ. Что это значитъ?

езопъ. А вотъ что:

+

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало;
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.

Скупаго барина такого не бывало,
И только одного коня онъ и держалъ,
Которой въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь сколько могъ служилъ; но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить.

И по прямому бѣ надлежало
Изъ благодарности, коня по смерть кормить.
Но чувства въ баринѣ такого небывало;
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ его продать.
Но дряхлаго коня кто станеть покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ,»
Хозяинъ осердясь сталъ людямъ говорить,
«Безпрокаго коня кормить:

Сгоните въ поле;

Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ:

Какой еще награды ожидать?—»

И бѣднаго коня велѣлъ онъ со двора согнать.

плисѣенъ. Возможноль, чтобъ отецъ мой такъ думалъ! . . .
Я его просилъ.

езопъ. Да ты—же просилъ, чтобъ онъ присылалъ тебѣ денегъ, для окончанія твоего ученія: и такъ вторая твоя просьба убила первую,—и онъ продалъ меня.

Плисѣенъ. И я же былъ причиною твоего несчастія!

езопъ. Это еще не рѣшено; воля боговъ неисповѣдима.
Почему знать, что она меня не привела сюда для того, чтобы я

былъ тебѣ полезенъ, за добро, которое ты мнѣ сдѣлалъ или хотѣлъ сдѣлать: это все равно передъ богами.

Плиссѣенъ. Но чѣмъ ты можешь мнѣ помочь въ твоёмъ несчастномъ положеніи?

Езопъ. Я это столько же знаю, какъ и ты; но ты мнѣ сдѣлалъ или хотѣлъ сдѣлать добро: и боги воздадутъ тебѣ за твоё намѣреніе. Я ничтожный рабъ и, какъ муравей, несу на плечахъ ношу, выброшенную природою, а сверхъ ея, часто и ту, которую кладутъ господа мои; но и я, какъ муравей, могу изъ благодарности помочь тебѣ.

+

Попался муравей

Нечаянно въ ручей,

И въ немъ бѣдняжка тонетъ.

По счастью голубокъ пилъ воду изъ ручья,

Увидѣлъ, сжалился. Кого не тронетъ

Бѣда чужая, тотъ не голубъ, а змѣя.

И голубъ крылошко разсправилъ,

Спустилъ въ ручей, черпнулъ имъ, вынулъ муравья,

Стряхнулъ—и обсыхатъ на берегу оставилъ.

А самъ, межъ перушекъ заткнувъ носокъ,

Поправилъ ихъ, вспорхнулъ и на кустокъ,

Заворковалъ,—и вовсе не примѣтилъ,

Что къ берегу подкравшись, стрѣлокъ

Ужъ натянулъ свой лукъ, въ него стрѣлу намѣтилъ,

И голубкова жизнь была на волоскѣ;

Но муравей подползъ,—и, слава Богу,

Стрѣлка ужалилъ въ ногу.

Стрѣлокъ вздрогнулъ, затрясся лукъ въ рукѣ,

Ослабла въ пальцахъ сила,

Стрѣла сорвалась съ тетивы:

И выше головы

Надъ голубкомъ сучекъ свалила.

Такъ голубкова жизнь спаслась

Ничтожнымъ муравьемъ, котораго онъ спасъ.

Плиссѣенъ. А! я помню, какъ ты эту притчу говорилъ мнѣ, качая меня на своихъ колѣнахъ. . . . Знаешь ли, Лесбія, что Езопъ, какъ ты его видишь, признанъ въ моемъ отечествѣ восьмымъ чудомъ?

Езопъ. А Езопъ не признаетъ и семи; они можетъ быть поумнѣ другихъ: но мудрость—тамъ; глупость — здѣсь.

л е с б я . Однако батюшку всё считаютъ мудрецомъ.
п л и с ѳ е е н ъ . Да, онъ самъ увѣряетъ, что все знаетъ.
е з о п ъ . Тѣмъ лучше,—и мы это увидимъ на дѣлѣ.

л е с б я . Ахъ! какъ мнѣ совѣстно, что я давеча надъ тобою смѣялась . . . Ты не сердись на меня?

е з о п ъ . Еслибы я сердился на всѣхъ, кто надо мною смѣялся, то у меня и сердца не достало—бы. Но растолкуй мнѣ хорошенько, за что Ксанѣъ не хочетъ васъ соединить?

л е с б я . Онъ это тебѣ растолкуетъ; а я боюсь, чтобъ матушка сюда не пришла . . . Сбѣгаю, посмотрю, что тамъ дѣлается и прибѣгу назадъ. До свиданья. (*уходитъ*)

VII.

ЕЗОПЪ И ПЛИСФЕЕНЪ.

е з о п ъ . Поздравляю: она прелестна.

п л и с ѳ е е н ъ . Ахъ! я это чувствую . . . Но поздравлять не съ чѣмъ; я самый несчастный человекъ.

е з о п ъ . И ты это говоришь Езопу, который съ ребячества не жилъ ни одной минуты, какъ бы онъ хотѣлъ.

п л и с ѳ е е н ъ . Конечно, это горестно; однакожъ ты всегда казался веселымъ.

е з о п ъ . Не только казался, а былъ веселъ въ самомъ дѣлѣ. Но веселость не счастье. Имѣй я свой уголокъ, гдѣ бы могъ дѣлать, что захочу, тогда бы я не позавидовалъ никому въ свѣтѣ;—и умѣлъ бы скрыть себя отъ чужой зависти.

Между репейникомъ и розовымъ кустомъ,
Фиалочка себя отъ зависти скрывала,
Безвѣстною была и горести не знала.
Тотъ счастливъ, кто своимъ доволенъ уголкомъ.

п л и с ѳ е е н ъ . И потому я несчастливъ, что не доволенъ цѣлымъ свѣтомъ.

е з о п ъ . Плисфенъ, ты любимъ . . . А я! . . . видишь . . .

П Л И С ѐ Е Н Ъ .

Кто нѣжною пылая страстью,
 Любви ни въ комъ не возжигалъ,
 Тотъ былъ несчастливъ: но несчастью
 Другихъ съ собой не подвергалъ.
 Я Лесбію люблю такъ страстно,
 Она въ любви открылась мнѣ;
 Но чрезъ меня она несчастна,
 И такъ: несчастливъ я вдвойнѣ.

Е з о п ѣ . Я вижу, что ты учишься Логикѣ,—и учитель твой долженъ быть доволенъ тобою. . . Но отчего же онъ не выдаетъ за тебя дочери?

П л и с ѐ е н ѣ . Отъ скупости и самолюбія.

Е з о п ѣ . Да; эти двѣ болѣзни много дѣлаютъ худаго, а иногда, ошибкой, и хорошаго; но съ ними еще можно сладить.

П л и с ѐ е н ѣ . Нѣтъ, невозможно!

Е з о п ѣ . Что кажется невозможнымъ одному, то бездѣлица для другою.

+

Купались карлики; къ нимъ великанъ пришелъ

И тожъ хотѣлъ

Купаться;

Да видишь, для него рѣка,

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.

Онъ началъ спрашивать и добиваться:

Не знаютъ ли, гдѣ глубина?

« Поди туда, » ему сказали:

« Вотъ тамъ она; »

И мѣсто указали.—

Однакоже рѣка

Для великана все мелка;

Нельзя ему купаться.

Еще у нихъ онъ добиваться.—

« Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,

Что не найдешь и дна!

Мы черезъ это мѣсто плыли. »

Но все, гдѣ карлики и дна не находили,

Въ бродъ переходитъ великанъ.

Иному такъ въ дѣлахъ и лужа океанъ.

Плисеенъ. Нѣтъ, я чувствую, что я не великанъ и утону въ моемъ несчастіи.

Езопъ. Не утонешь, если не будешь отчлываться. Слушай, Плисеенъ; я, можетъ быть, ошибаюсь; по мнѣ кажется, что я видѣлъ средство противъ Ксанеовой скупости.

Плисеенъ. Какое? Гдѣ?

Езопъ. Входя въ Самось, я у самыхъ городскихъ воротъ долженъ былъ ожидать купца, который привезъ меня сюда: никто изъ живыхъ не хотѣлъ со мною говорить, такъ я пошелъ бесѣдовать съ мертвыми: и между гробницъ увидѣлъ четверугольный камень, въ который вѣзана мѣдная доска, съ надписью, составленной изъ заглавныхъ буквъ. Этотъ камень на правой сторонѣ, въ пятнадцати шагахъ отъ дороги, подъ большимъ кипарисомъ, между гробницъ Плутонова жреца и Лезбосской прелестницы. Ты замѣть его днемъ, вырой вечеромъ подъ нимъ яму, и что тамъ найдешь, принеси сюда и съ доскою.

VIII.

ТЪЖЕ, КСАНЕЪ И ПРАКСАГОРА.

Ксанеъ. Праксагора, по добротѣ своей, позволяетъ тебѣ остаться въ нашемъ домѣ.

Праксагора. Да; хотя я и не могу смотрѣть на тебя безъ ужаса.

Езопъ. Такъ продай меня лучше, черезъ это мы оба выиграемъ.

Праксагора. Что это значить?

Езопъ. Мы оба избавимся отъ неудовольствія: ты не будешь видѣть моего безобразія, а я не стану тебѣ его показывать.

Праксагора. Нѣтъ, я ужъ рѣшилась говорить съ тобою, не глядя на тебя; вотъ такъ. . . Ва! зачѣмъ здѣсь Плисеенъ?

Плисеенъ. Я пришелъ слушать уроки мудраго Ксанеа.

Ксанеъ. Ты знаешь, что уроки мои начнутся черезъ два часа, не прежде.

ПЛИСӨЕНЬ. Я боялся опоздать и потерять минуту.
ПРАКСАГОРА. Вишь какъ уроки мудраго Ксанеа приманчивы.

ПЛИСӨЕНЬ.

Греція объ этомъ знаетъ,
Вся Азія согласна въ томъ.
Что Ксанеа мудрость привлекаетъ
Того, кто хочетъ быть съ умомъ.
И это также всѣмъ извѣстно.
Что Ксанеъ такъ знаніемъ великъ,
Что самъ учителемъ всемістно
Его быть можетъ ученикъ.

КСАНЕЪ. Да, это многие говорятъ.

ПРАКСАГОРА. Не вѣрь всему, что говорятъ; а повѣрь мнѣ;
что онъ и слушать бы не хотѣлъ твоей мудрости, безъ другой
приманочки.

ЕЗОПЪ

Когда бъ приманчивость людьми не управляла,
Къ нему бъ тогда годился свѣтъ?
Куда бъ и не идти, теперъ иной идетъ:
Приманчивость ведетъ!
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала.
Я видѣлъ, лошадь возъ съ камнями везетъ,
И очень лошадь ужъ устала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
Но, чтобъ до сѣна ей добраться,
Она, хоть черезъ мочь, готова надсѣдаться;
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

ПРАКСАГОРА. Да это опять притча: а я ихъ терпѣть не
могу.

КСАНЕЪ. Но за что же, мой другъ?

ПРАКСАГОРА. А за то, что я не хочу, что-бы меня, тебя
и всѣхъ честныхъ людей равняли съ собаками, волами и ослами.

КСАНЕЪ. Но это игра ума.

ПРАКСАГОРА. А я не люблю ума.

— ксанѣъ. Но я ужъ тебѣ доказывалъ, что умъ есть лучший даръ боговъ.

праксагора. Такъ мнѣ стыдно за боговъ, если они бросаютъ свой даръ на такихъ ничтожныхъ тварей; развѣ мало есть порядочныхъ людей, которымъ бы онъ очень пригодился и на что рабу умъ? Дѣлай что велятъ—вотъ и все.

ксанѣъ. На то, чтобъ повиноваться, надобно имѣть не менѣе ума, какъ и на то, чтобы повелѣвать. Я это всякой день твержу моимъ ученикамъ, и знаешь ли ты, что Езопъ, какъ сказывала мнѣ дочь, почитался въ своей землѣ мудрецомъ.

плисеенъ. Да; весь Амморіонъ знаетъ наизусть его басни и слава его должна быть тебѣ извѣстна. . . .

ксанѣъ. Да, да, я очень знаю, что Езопъ. . . . Но я думалъ, что это другой. . . и радуюсь, что имѣю въ домѣ моемъ человѣка, который хотя въ Амморіонѣ слылъ за мудреца.

праксагора. А я такъ совсѣмъ не радуюсь; мнѣ и тебя одного слишкомъ довольно. . . Да гдѣ же онъ учился?

езопъ. Въ лучшей въ свѣтѣ школѣ?

ксанѣъ. Какъ въ лучшей въ свѣтѣ школѣ?

ЕЗОПЪ.

Скрипица дюжинна ушала и разбилась;

Скрыпачъ ее склеилъ,

И скрипка изъ дурной — прекрасной очутилась.

Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ.

ксанѣъ. (*хохаха.*) Презабавная притча?

праксагора. Какъ, опять притча! . . . Да если ты еще скажешь хоть полпритчи, то тебя самага я сдѣлаю разбитой скрипкой.

ксанѣъ. (*тихо Езопу.*) Не бойся, я тебя склею.

праксагора. Если ты въ самомъ дѣлѣ какой-то мудрецъ, то я тебѣ приказываю сказать мнѣ только, и безъ притчи, что должно дѣлать съ тѣмъ, которой ходитъ къ отцу для того, чтобы обольщать дочь его?

езопъ. Выгнать его изъ дома.

праксагора. Умно и я его выгоняю:—да, вотъ мое последнее слово. Я не хочу, чтобы Плисеенъ дольше здѣсь оставался, я не хочу, чтобы онъ видѣлъ мою дочь, я не хочу, что-

бы она была за чимъ; я не хочу ни видѣть, ни слышать его. —
Слышишь ли! Чтобъ его ни здѣсь, ни въ школѣ твоей не было,
или . . . я сейчасъ сама бѣгу изъ дома. (*уходитъ*).

к с а н е ъ. Послушай Праксагора, онъ мой ученикъ (*идеть
за нею*):

п л и с ѳ е н ъ. Какъ, Езопъ! И ты ей далъ такой совѣтъ? И
ты противъ меня?

Е З О П Ъ.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.

Увидя старика входящаго съ сумою,

Собака лаять начала.

«Умилосердись надо мною!

Съ боязнью, шопотомъ бѣднякъ ее молилъ:

«Я сутки ужъ не ѣлъ . . . Отъ голода страдаю!»

— За тѣмъ-то я и лаю,

Собака говорить, чтобъ ты накормленъ былъ. —

Наружность иногда обманчива бываетъ:

Иной какъ звѣрь—а добръ; тотъ ласковъ—а кусаетъ.

Да, я хочу, чтобы ты вкусилъ отъ плода счастія. Иди теперь
на кладбище, отыщи камень, рой землю, и что найдешь, прине-
си сюда.

п л и с ѳ е н ъ. Но если меня не пустятъ въ домъ?

Е З О П Ъ. Пустятъ.

п л и с ѳ е н ъ. Да какъ ты это сдѣлаешь, если запрутъ дворъ?

Е З О П Ъ.

Медвѣдя Левъ просилъ: «Черезъ твою берлогу
Позволь мнѣ проложить военную дорогу?»

— Нельзя, сказалъ Медвѣдь, и въ шубу носъ уткнулъ.

Что жъ сдѣлалъ Левъ?—Перешагнулъ.

Иди, и оставь меня съ Ксанеомъ.

IX.

ЕЗОПЪ и КСАНЕЪ.

ксанеъ. Я радъ, что досада Праксагоры на Плисѣена помирила ее съ тобою: она не можетъ, чтобъ на когонибудь не сердится; такъ пусть же сердится на Плисѣена.

езопъ. А потомъ?

ксанеъ. А потомъ . . . Я стану дѣлить съ тобою хоть мои досуги.

езопъ. Дѣлить досуги, только?

ксанеъ. Да, я уважаю твой умъ; твои басни мнѣ начинаютъ нравиться.

езопъ. Такъ я тебѣ скажу такую, которая будетъ очень кстати.

+

Собравшись Левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту объяснить,
За тѣмъ, что этого съ нимъ сѣроду не случилось,
И съ глупа показалось
Ему,
Что милость Льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
Вотъ говорить:
Вся мелочь при дворѣ меня пренебрегаетъ,
Бранить
И обижаетъ,
А самъ-то Царь,
Мой государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною
Такъ знать чегонибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
Нѣтъ, полно уступать! — сказалъ.
Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,

Судейску важную осанку принимаетъ,
 Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ;
 И что ни дѣлаетъ и что ни говоритъ,
 Всегда и всякому, что членъ онъ подтвердить.

И ежели кого другаго ни поймаетъ,
 Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать,
 И имъ, что членамъ онъ, сказать.

Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться
 Чтобъ членамъ каждой разъ ему не подписаться;
 И словомъ: весь онъ членъ; и въ домъ отъ людей
 Все членъ по немъ до . . . лошадей!

Такъ точно и Осель мой началъ возноситься:
 Не знаетъ, какъ ему ступить;

Самъ бодрости своей не радъ. Чему—то быть!

Не всякому Ослу случится

Льва на охоту проводить.

Да чѣмъ то это все рѣшится?

Осла Льву на охоту брать . . .

Чтобъ съ царской милостью Ослу не горевать.

Звѣрей, которыхъ затравили,

Всѣхъ на Осла взвалили,

И съ головы до ногъ всего

Обвѣсили его.

Тогда Осель узналъ, что взять онъ на охоту,

Не въ уважеше къ нему, а на работу.

ксанѣъ. (смѣясь.) Чтожъ ты подразумеваешь?

езопъ. А какъ Плисеена не будетъ, то ты думаешь взвалить брань Праксагоры съ себя на меня; но на меня уже такъ много вьючили всякой клади, что я и эту снесу; она все таки легче пятипудоваго мѣшка.

Х.

ТЪЖЕ И МАРКЕСЪ.

маркесъ, (выллдывая) А! онъ одинъ . . . Здравствуй, мудрый Ксанѣъ.

ксанѣъ. А! Маркесъ! . . . какъ идетъ садъ нашъ!

МАРКЕСЬ. Онъ стоитъ на мѣстѣ: а дурная трава такъ идетъ вверхъ, что загнула всѣ цвѣты.

ЕЗОПЪ. Вещь обыкновенная.

МАРКЕСЬ, (увидя Езопъ) Ахъ!

ЕЗОПЪ. Ты меня испугался?

МАРКЕСЬ. Признаюсь.

ЕЗОПЪ. И вѣрно обрадовался?

МАРКЕСЬ. Чему?

ЕЗОПЪ. А тому, что пока я буду въ твоемъ садѣ, птицы не осмѣлятся клевать плодовъ: я вѣрно страшнѣе твоей пугальной мѣльницы.

МАРКЕСЬ. А что ты думаешь: да птицы куда нейдутъ: отъ нихъ или тобой или мѣльницей можно отпугаться, прилетать да и отлетать: а вотъ ужъ дурная трава, которая непрошенная лезетъ изъ земли, меня сдѣлала и безъ рукъ и безъ головы, я думалъ, думалъ . . . однакожъ ничего не выдумалъ, и пришелъ просить великаго философа, чтобъ онъ мнѣ разтолковалъ: за чѣмъ разнородные цвѣты, которые я сажаю, за которыми я хожу, какъ за роднымъ сыномъ, насилу выходятъ, а дурную траву земля пырлетъ изъ себя такъ скоро, что и вырывать не успѣваю?

КСАНЕЪ. Это оттого, мой добрый Маркесь, что воля боговъ, создавъ вселенную, наложила на нее неизмѣняемые законы, которымъ равно повинуются и огромный Кавказъ, возносящій величественную главу свою надъ тучами, и былинка, попираемая ногами самыхъ презрѣнныхъ тварей.

МАРКЕСЬ. Оно такъ: да отчего эти былинки растутъ лучше монхъ цвѣтовъ?

КСАНЕЪ. Оттого, что это такъ предопредѣлено.

МАРКЕСЬ. Я и въ этомъ не спорю: да зачѣмъ же это такъ предопредѣлено?

КСАНЕЪ. За тѣмъ, что это такъ быть должно.

МАРКЕСЬ. Да отчего же это такъ быть должно?

КСАНЕЪ. Оттого, что все существующее въ мѣрѣ, отъ былинки до обладателя Ассиріи, создано волею боговъ; а такъ-какъ воля боговъ есть неизмѣяемый законъ природы, то все существующее волею сего закона должно необходимо существовать.

МАРКЕСЬ. Я этому вѣрю; да не вижу необходимости, чтобы негодная трава вредила моимъ прекраснымъ цвѣтамъ.

КСАНЕЪ. А видишь ли ты бѣгущаго съ поля коня, изсѣкаю-

щаго пламенный искры изъ подножныхъ кремней, красивый бѣгъ его восхищаетъ сердце всадника; бѣлая грива его, какъ парусъ, раздувается вѣтромъ; ржаніе его, какъ звукъ воинской трубы, зовущей на брань, разносится эхомъ: но пресмыкающійся въ прахъ василискъ уязвляетъ его, и краса природы упадетъ безъ жизни, въ снѣдь хищнымъ птицамъ . . . И думаешь ли ты, что боги вооружили безобразную змію жаломъ для того только, чтобъ истреблять прекрасныхъ коней?

МАРКЕСЪ. Я ничего не вижу и не думаю; а спрашиваю тебя: отчего . . .

КСАНӨЪ. Знаю, знаю . . . (*Езопу*): Какъ несносно говорить съ невѣждами . . .

ЕЗОПЪ. И стоитъ ли онъ, чтобы ты на него тратилъ лучшіе цвѣты краснорѣчія; съ него довольно моихъ басенъ.

КСАНӨЪ. Избавь же меня отъ его глупыхъ вопросовъ.

ЕЗОПЪ. Ты спрашиваешь, отчего земля лучше растетъ дурную траву, чѣмъ твои хорошіе цвѣты?

МАРКЕСЪ. Да, именно.

ЕЗОПЪ. Такъ слушай же.

Вдова соскучась быть вдовою,

Но видя, что у ней желтѣетъ цвѣтъ лица,

Сѣдинка кое гдѣ блеститъ надъ головою,

Рѣшилась выйти за вдовца.

И въ мужнинъ домъ ввела съ собою

Своихъ съ покойникомъ дѣтей.

А также, какъ у ней,

У мужа отъ жены покойной

Остались ребятки на рукахъ.

Жена взялась смотрѣть за всей семьею сводной,

Какъ о своихъ пещисъ о мужниныхъ дѣтяхъ,

И говоритъ она: бѣдняжки сиротинки,

Невинные птенцы;

О дѣтяхъ могутъ ли пещися такъ отцы,

Какъ матери, онѣ на нихъ и порошоки

Ужъ вѣрно не дадутъ упасть:

И развѣ мужнино дитя женѣ чужое?

Она объ немъ, чтобъ тѣмъ умножить въ мужѣ страсть,

Противъ своихъ должна пещися вдвое.

Чтожъ вышло?—Черезъ годъ

Замѣтилъ мужъ, что матушкины дѣтки

Цвѣтуть, какъ розы на вѣткѣ,
 И зрѣютъ, какъ румяный плодъ,
 Его же, будто изпитыя,
 Такія тощія, худыя,
 Что вчужѣ жалко поглядѣть,
 То каково—жъ отцу терпѣть! . . .
 Онъ, покачавши головою,
 Вздохнулъ, и вымолвилъ сквозь слезъ:

«Такъ съ новою моею женою
 Я въ домъ къ себѣ пивницъ перевезъ,
 И тѣмъ они толстѣютъ,
 Что кровь мою сосутъ.»
 Сосѣдъ, случившись тутъ,
 Шепнулъ отцу: гдѣ жъ матери радѣютъ.
 Такъ о дѣтяхъ чужихъ,
 Какъ о своихъ?

МАРКЕСЬ. Ну такъ чтожь?

ЕЗОПЪ. А тожь, что дурную траву родить сама земля; а хорошіе цвѣты ты сажаешь,—такъ оттого то она своимъ *мать*, а твоимъ *мачиха*.

МАРКЕСЬ. А! а!

Да, это право съ дѣломъ схоже:
 Есть сынъ и у жены моей
 Отъ мужа перваго: и тоже
 Мой сынъ гораздо мнѣ милѣй.
 Они сшалають равно, а лишній
 Чужому попадетъ щелчокъ;
 И я вчера побилъ подъ вишней
 Чужаго своему въ урокъ.

* * *

Такъ самородное все скоро
 Изъ матери земли растетъ;
 А пересадное неспоро
 На мачихъ землѣ цвѣтеть.
 И за землей повадка таже,
 Какая, признаюсь, за мной:
 Хоть будь чужаго втрое гаже,
 А все милѣй мнѣ сынъ родной.

КСАНЕЪ. Такъ ты, наконецъ, понялъ? — а? . . .

МАРКЕСЪ. Да онъ разсказалъ такъ ясно. . .

КСАНЕЪ. А еслибы онъ тебѣ разсказалъ про Осла, то тебѣ еще яснѣй было-бы.

МАРКЕСЪ. Да отчего же ты. . .

КСАНЕЪ. Поди, ты мнѣ надобля своими вопросами.

МАРКЕСЪ. Я ужь буду впередъ съ ними ходить къ этому уроду. — Спасибо, братъ, за ясной толкъ. (*уходитъ*)

КСАНЕЪ. Знаешь ли, Езопъ, что ты очень не глупъ; я открываю въ тебѣ природныя способности къ повѣствовательному слогу. . . Ходи, мой другъ, ходи чаще на мои уроки, — и я надѣюсь, что ты заставишь себя слушать. Мы докажемъ и здѣсь, какъ въ Аммоніонѣ, что въ уродливомъ сосудѣ можетъ быть хорошій напитокъ. — Я иду къ ученикамъ; а ты поди къ Праксагорѣ, подбейся къ ней въ милость; а тамъ мы увидимъ. . . Мы покажемъ, можетъ быть, что Ксанеъ умѣетъ выбирать невольниковъ. Прощай пока. (*уходитъ*).

ЕЗОПЪ. Мы! . . .

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,

А муха у него сидѣла на рогахъ,

И муху же они дорогой повстрѣчали.

«Откуда ты, сестра?» отъ этой былъ вопросъ.

А та поднявши носъ,

Въ отвѣтъ ей говорить:—Откуда?—Мы пахали.

Отъ басни навсегда

Нечаянно дойдешь до были.

Случалось ли подь часъ вамъ слышать, господа:

«Мы сбили, мы рѣшили.»

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домъ Ксанѳа; на столъ зажженныя лампы, древяля чернилица, письменныя трости, хорошія таблетки и папирусы.

I.

ЕЗОПЪ И ЛЕСБІЯ.

ЛЕСБІЯ. Поди сюда, Езопъ; я тебѣ скажу пріятную новость.

ЕЗОПЪ. Скажи, для рѣдкости.

ЛЕСБІЯ. Матушкѣ твои басни стали нравиться, съ тѣхъ поръ, какъ ты прочелъ ей «*Муравья и Стрекозу*.»

ЕЗОПЪ. Она себя видитъ въ муравьѣ, а Ксанѳа въ стрекозѣ; но только не она его, а онъ ее заставляетъ плясать.

ЛЕСБІЯ. Вѣдь я тебѣ говорила.

ЕЗОПЪ. Да; но чтоже говорилъ ей Ксанѳъ обо мнѣ?

ЛЕСБІЯ. Онъ, возвратясь изъ своей школы, все хвалится своей покупкой.

ЕЗОПЪ. А это отчего?

ЛЕСБІЯ. А оттого, что тамъ случились какіе-то философы, которые возвращался изъ Азій, хотѣли слушать Ксанѳову Логику.

ЕЗОПЪ. Такъ чтожъ?

ЛЕСБІЯ.

Лишь только назвалъ онъ тебя,

Какъ вдругъ изъ философовъ двое

Вскричали, будто виѣ себя:

Какое счастье большое,

О Ксанѳъ, тебѣ даруетъ Опъ!

Какой мудрецъ тебѣ достался:

И сколько самъ Езопъ счастливъ,

Что къ Ксанѳу онъ въ рабы попался.

ЕЗОПЪ. Я имъ уступаю это счастье: но что же, говоритъ Ксанѳъ?

ЛЕСБІЯ.

Ты не повѣришь, какъ онъ радъ,
Своей покупкой какъ гордится,
И говоритъ: пусть этотъ кладъ
Найти другой кто умудрился.
И хочеть въ школь онъ своей
Тебя рассказывать заставитъ
Тѣ басни, что найдетъ умнѣй,
Чтобъ школу тѣмъ свою прославить.

ЕЗОПЪ. Онъ узналъ мнѣ цѣну, хвастаетъ своей покупкой, превозноситъ мой умъ, оттого, что путешественники меня похвалили; онъ хочеть прославить свою школу дарованіемъ, которое мнѣ дали боги и открыли другіе, это дѣло обыкновенное,—я встрѣчалъ много такихъ умниковъ—они всѣ выходили въ люди. Да не говорилъ ли онъ еще чего?

ЛЕСБІЯ. Ахъ! говорилъ. . . Что онъ не позволить ни за что Плисеену ходить въ домъ свой.

ЕЗОПЪ. А Плисеенъ только теперь изъ него вышелъ.

ЛЕСБІЯ. Не ужели!... Да какъ же я его не видала?

ЕЗОПЪ. Ночью трудно видѣть.

ЛЕСБІЯ. За чѣмъ же онъ приходилъ сюда?

ЕЗОПЪ. Онъ приходилъ сказать мнѣ, что онъ исполнилъ то, что я ему совѣтовалъ; нашелъ то, чего не ожидалъ,—и надѣется на то, на что не смѣлъ надѣяться.

ЛЕСБІЯ. На что же онъ надѣется?

ЕЗОПЪ. На согласіе Ксанѳа выдать тебя за него; и просить только, чтобъ ты обѣщала мнѣ согласится на то, что я тебѣ предложу при отцѣ твоемъ, какъ бы это страшно ни показалось сначала.

ЛЕСБІЯ. Клянусь сдѣлать все, что Плисеенъ потребуеть; но я не страшусь и не надѣюсь ничего. Отецъ мой богатъ, а Плисеенъ бѣденъ. . . О! еслибъ онъ былъ такъ богатъ, то я увѣрена, что онъ не поступилъ бы какъ батюшка; онъ бы сдѣлалъ не только дочь свою, но всѣхъ счастливыми.

ЕЗОПЪ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:

Ягненокъ у него любимый
 Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
 Услыша Пастуха Ручей журчить сердито:
 «Рѣка насыта! что еслибъ дно твое
 Такъ было, какъ мое,
 Для всѣхъ и ясно и открыто,
 И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семь днѣ
 Всѣ жертвы, кои ты такъ алчно поглотила?
 Я чай бы со стыда ты землю бы прорыла
 И въ темныхъ пропастьяхъ себя сокрыла.
 Миѣ кажется, когда бы миѣ
 Дала судьба обильныя столь воды,
 Я, украшеньемъ ставъ природы,
 Не сбѣлалъ курицѣ бы зла.
 Какъ осторожно бы вода моя текла
 И мимо хижинки и каждаго кусточка.
 Благословляли бы меня лишь берега,
 И я бы освѣжалъ долины и луга;
 Но съ нихъ бы не унесъ листочка;
 Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
 Не приключая нигдѣ ни бѣды, ни горя,
 Вода моя до самага бы моря
 Такъ докатилася чиста, какъ серебро.»
 Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
 И чтожъ? Не минуло недѣли,
 Какъ туча сильная надъ ближнею горой
 Разсѣлась.
 Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
 Но ахъ! куда въ Ручѣѣ смиренность дѣлась!
 Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
 Кипить, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
 Столѣтніе валаетъ дубы,
 Лишь трески слышны вдалекѣ;
 И сѣмѣй тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
 Пѣнялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
 Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
 А хижинны его пропали и слѣды.
 Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
 И такъ журчатъ для сердца сладко,
 Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!
 Л е с в я л. Нѣтъ Плисеенъ не изъ этихъ ручейковъ: дай-ка
 ему сбѣлаться богатымъ...

ЕЗОПЪ. Я ужъ и такъ кажется даль.

ЛЕСБІЯ. Какъ? Даты самъ ничего не имѣешь.

ЕЗОПЪ. Да развѣ тѣ даютъ что нибудь, которые много имѣютъ?

ЛЕСБІЯ. Однакоже, у кого ничего нѣтъ, такъ тому и давать нечего.

ЕЗОПЪ. Кто имѣеть желаніе дѣлать добро, тотъ будетъ умѣть его сдѣлать; хотя это и очень трудно.

ЛЕСБІЯ. Да, зло дѣлать, кажется, гораздо легче; но отчего же это?

ЕЗОПЪ. Оттого, что нѣтъ глупца, которой бы не сумѣлъ сдѣлать чистаго зла: а надо имѣть много ума, чтобъ дѣлать добро безъ примѣси вреда. Я замѣтилъ, что тѣ, которыхъ называютъ, не зная, какъ иначе назвать, *добрыми людьми*, гораздо больше погубили умнаго народа отъ безумной доброты, чѣмъ злодѣи отъ хитраго расчета.

ЛЕСБІЯ. А это отчего?

ЕЗОПЪ. Оттого, что умъ—щитъ противъ хитрости и цѣль для глупости:—она, объ немъ только что провѣдуетъ, и швыряетъ въ него чѣмъ ни попаю.

Ползъ свѣтлый червячекъ; встрѣчается змѣя

И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.

«Убійца!» онъ вскричалъ: «за что же гибну я?»

Ты свѣтель, отвѣчаетъ.

А глупость опаснѣе всякой змѣи: отъ нея не уйдешь и не спрячешься; вездѣ отыщешь или вездѣ съ нею встрѣтишься.

II.

ТЪЖЕ и КСАНФЪ.

КСАНФЪ. Ну, любезный Езопъ; не говорилъ ли я тебѣ, мой другъ, что Праксагора скоро помирится съ твоимъ безобразіемъ.

ЕЗОПЪ. Да, ты это говорилъ.

КСАНФЪ. И сдѣлалъ: хоть съ нею трудно ладить.

— Она, конечно, женщина не злая; но въ сердцахъ никого

не щадить, и; не смотря ни на что, ругаетъ меня и ученость мою безъ пощады; но я ей прощаю, отхожу.

Е з о п ъ. И умно дѣлаешь.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ, среди цвѣтовъ,
И встрѣтилъ тамъ змѣю, ползущую по праху.

Завистливая тварь

Шипитъ и на орла кидается съ размаху.

Чтожь дѣлаетъ пернатыхъ царь:

Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.

Такъ гений своему хулителю отмщаетъ.

к с а н е ъ. Прекрасно! Безподобно! . . . вотъ самая умная басня; я тебя заставлю ее прочесть въ полномъ собраніи всѣхъ моихъ критиковъ: повѣрь миѣ, я умѣю цѣнить твой умъ, и награжу его, чѣмъ хочешь.

Е з о п ъ. Если ты отдаешь на мою волю, то я у тебя попрошу двухъ наградъ: одну для меня и для тебя; а другую только для тебя.

к с а н е ъ. Вотъ это что то новое: ты просишь у меня награду для меня же . . . Говори, какихъ?

Е з о п ъ. Отдай мнѣ свободу, и выдай дочь свою за Плисеена.

к с а н е ъ. То есть: потеряй свои деньги даромъ, и выдай дочь свою за бѣдняка: я тутъ не вижу для себя никакой награды.

Е з о п ъ. Деньги твои пойдутъ въ ростъ: ты на нихъ вмѣсто раба купишь друга, и возмешь къ себѣ въ домъ честнаго чело-вѣка, которой будетъ пещись о счастіи всего твоего семейства, а знаю Плисеена.

л е с в і я. Да, батюшка, онъ коротко его знаетъ.

к с а н е ъ. А я знаю, что изъ Плисеена ничего путнаго не будетъ: онъ ни мало не успѣваетъ въ Логикѣ; а безъ Лигини чело-вѣкъ не можетъ ни думать, ни говорить порядочно.

Е з о п ъ.

Садовникъ сѣтовалъ, что долго плодъ незрѣетъ;

А плодъ судилъ: «вина не отъ моихъ сѣмянъ:

Дай больше солнца миѣ и буду я румянь.»

Безъ солнца и талантъ въ созрѣлости коснѣетъ

к с а н е ъ. Я самъ его учу и просвѣщаю; накого же солнца ему еще надобно?

езопъ. (показывая на Лесбію) Вотъ какого.
ксанеъ. Это солнце слишкомъ высоко и жарко для него:
а если онъ, какъ Икаръ осмѣлится къ нему приблизиться, то
полетитъ. . . .

езопъ. Въ его объятии.

ксанеъ. Нѣтъ, въ морскую пучину; солнце спалитъ ему
крылья.

езопъ. Спросимъ у самаго солнца, спалитъ ли оно его?

ЛЕСБІЯ.

Я признаюся: много разъ
Онъ говорилъ мнѣ, будто пламень
Моихъ ему пріятель глазъ,
Что онъ зажжетъ и самый камень.
Однакожь въ школѣ часто онъ
Со мною сиживалъ хоть рядомъ,
Но мною не былъ обазженъ;
Хоть самъ палилъ мнѣ сердце взглядомъ.

ксанеъ. Такъ вотъ чѣмъ вы занимались въ моей школѣ! . . .
И послѣ этого ты хочешь, чтобы я выдалъ тебя за него? . . . Онъ
мѣшаетъ тебѣ пользоваться мудростью отца твоего; ни какія убѣ-
жденія краснорѣчія не могли заставить его постигнуть высоту и
обширность моихъ познаній.

ЛЕСБІЯ.

Я слушала тебя прилежно,
Когда ты душу объяснялъ;
Плсеевъ же, взглядывая нѣжно,
Ее мнѣ чувствовать давалъ,
Его напрасно обвиняешь,
Онъ мудростью твоей плѣненъ:
И въ томъ всѣхъ больше убѣжденъ,
Что ты одинъ все въ свѣтѣ знаешь.

ксанеъ. Какъ! Не ужели онъ это думаетъ?

езопъ. Да, я отъ него объ этомъ самъ слышалъ;—и увѣ-
рялъ его, что онъ ошибается.

ксанеъ. Какъ ошибается? Въ томъ, что я все знаю?

езопъ. Именно въ томъ.—Я ему говорилъ: Ксанеъ очень
ученъ, знаетъ многое; но не все.

ксанеъ. Я бы хотѣлъ, чтобы кто нибудь мнѣ доказалъ: че-
го я не знаю.

езопъ. Мое дѣло исполнять твои желанія и я докажу, если прикажешь.

ксанеъ. Что?

езопъ. Что ты, какъ ни всезнающъ, а споткнешься на самой первой ступенкѣ учености.

ксанеъ. Какъ? На чемъ?

езопъ. На азбукѣ.

ксанеъ. Ха, ха, ха! . . . Езопъ, съ кѣмъ ты говоришь?

езопъ. Съ премудрымъ Ксаномъ, которой не разбереть точнаго смысла восьми буквъ.

ксанеъ. Восми буквъ? На какомъ языкѣ?

езопъ. На томъ, на которомъ мы говоримъ.

ксанеъ. Что это: басня или притча?

езопъ. Теперь это пока только правда; а если ты согласишься на мое предложеніе, то будетъ быль.

ксанеъ. На твое предложеніе? На какое?

езопъ. Если я тебѣ докажу, что ты не разберешь смысла самыхъ обыкновенныхъ буквъ, то ты дашь мнѣ свободу, и выдашь ее за Плисѳена.

ксанеъ. Да этого быть не можетъ

езопъ. А когда не можетъ быть, то почему же тебѣ не принять моего предложенія?

ксанеъ. Нѣтъ, это мнѣ слышно Какъ! я! Ксанеъ! Не разберу? . . . И чего?

езопъ. Самые простыхъ буквъ. А если ты разберешь, то я на городской площади клятвенно и всенародно объявлю, что Ксанеъ восьмой мудрецъ; а ты знаешь, что меня въ Амморію самого жаловали въ это званіе.

ксанеъ. Знаю ли я? . . . Развѣ не я тебя купилъ?

езопъ. За шестнадцать оболовъ: но не въ цѣнѣ дѣло: а въ томъ, что ты будешь объявленъ всенародно восьмымъ мудрецомъ; что ты будешь въ басняхъ моимъ орломъ учености и львомъ премудрости,—и что дочь твоя добровольно откажется отъ Плисѳена.

лесвія. Какъ?

езопъ. Да, ты добровольно откажешься отъ Плисѳена: не общала-ли ты сама. . . .

ксанеъ. Какъ! Она общала. . . .

езопъ. Отказаться отъ Плисѳена и слѣпо положиться на тебя въ выборѣ мужа . . . если ты узнаешь смыслъ моихъ буквъ.

лесвія. (*тихо Езопу.*) Да онъ вѣрно узнаеть, и я погибла. . . .

Е з о п ъ.

Телицу бѣдную на жертву въ храмъ вели;

Она крутитъ хвостомъ, бодается головкой,

Но средство усмирить ее тотчасъ нашли:

Скрутили бѣдную веревкой.

Она реветъ, тутъ песь знакомый пробѣгалъ.

И на бѣгу ей тихо проворчалъ:

«Твой ревъ въ нихъ жалости, повѣрь мнѣ, не возбудитъ;

Такъ изъ чего жъ реветъ?»

Терпи, когда пришлось терпѣть;

Иди, закрой глаза; чему же быть, то будетъ.»

И жертва, не хотя, послушалася пса.

Но, ожаясь, можетъ быть, надъ нею, небеса

Закрылись тучею, — и громовымъ ударомъ

Вдругъ капище зажгли.

Жрецы, занявшись пожаромъ,

Спасали, что могли,

О жертвѣ позабыли,

Но песь не позабылъ; веревку перегрызъ,

Которой внизъ

Головку ей, почти къ копытцамъ прикрутили;

И въ радости сказалъ: ну, вотъ, прошла бѣда!

Но есмьбъ на боговъ ты больше полагалась,

И не рвалась и не бодалась,

Тогда

Веревку эту грызть мнѣ не было-бъ труда.

Л е с б ѣ я. Ахъ! чему быть, то будетъ! Я огласна на Езопово словие.

К с а н е ъ. Какъ! и ты! . . . (Смѣется) Они уморятъ меня со смѣха. Меня хотятъ учить азбукѣ! . . . Да не думаешь ли ты, оттого, что тебя кто-то и гдѣ-то называлъ мудрецомъ, мнѣ чать и равнять себя съ такимъ человѣкомъ, какъ я? . . .

Е з о п ъ. Иабави меня отъ этаго великій Зевсъ.

Дягушка, на лугу увидивши вола,

Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравнятся:

(Она завистлива была;)

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

— «Смотри-ка, квакушка, что, будудь я съ него?»

Подругѣ говорить. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»

Ну, каково?

Пополнилась ли я? — «Почти что ничего.»
 — Ну, какъ теперь? — «Все тожъ.» Пыхтѣла да пыхтѣла,
 И кончила моя затѣйница на томъ,
 Что, не сравняшися съ воломъ,
 Съ натуги лопнула и — околѣла.
 Примѣръ такой на свѣтъ не одинъ:
 И диво-ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
 Какъ именитый гражданинъ,
 А сошка мелкая, какъ знатный господинъ?

к с а н ѳ . Прекрасно! . . . Тотъ истинно уменъ, кто знаетъ
 мѣру своихъ способностей.

е з о п ѳ . А какъ ты долженъ быть истинно уменъ и знаешь
 мѣру своихъ способностей, то тебѣ нечего бояться моего пред-
 ложенія.

к с а н ѳ . Конечно нечего; оно только меня забавляетъ.

л е с б і я . А меня совсѣмъ не забавляетъ.

к с а н ѳ . Но не ужли вы въ самомъ дѣлѣ можете думать,
 что я . . . мнѣ смѣшно сказать

л е с б і я . Ахъ! я право ничего не думаю.

к с а н ѳ . И соглашаешься . . . А! понимаю (*всторону*)
 Езопъ употребляетъ хитрость, чтобы угодить мнѣ и заставить
 ее добровольно . . . Странно, какъ я тотчасъ не догадался . . . Да,
 да, я соглашаюсь показать знаніе мое въ азбукѣ . . . Право, не
 шутя соглашаюсь.

е з о п ѳ . И писменно?

к с а н ѳ . И писменно, и при свидѣтеляхъ.

е з о п ѳ . Вотъ хартии и писменные трости, пиши: а свидѣтели
 также нужны:

к с а н ѳ . Хорошо, пишу.

л е с б і я .

Ахъ! сердце замираетъ
 Въ глазахъ темнѣетъ свѣтъ;
 Закладъ онъ проиграетъ,
 И мнѣ спасенья нѣтъ!

к с а н ѳ . Вотъ тебѣ мое рукописаніе, Езопъ: читай.

е з о п ѳ . Не нужно; я знаю, что ты прекрасно пишешь; но
 теперь надобно пригласить свидѣтелей.

к с а н ѳ . Они тотчасъ будутъ готовы; я призову сюда всѣхъ
 моихъ учениковъ; и пусть они рѣшатъ общимъ совѣтомъ.

езопъ. А всё ли они умны?
ксанѣъ. Забавный вопросъ: очень счастливо, если гдѣ ни-
будь найдешь одного умнаго—на сто. . . .

езопъ. Глупцовъ? . . . Такъ мы обойдемся безъ нихъ.

Левъ учредилъ Совѣтъ какой—то неизвѣстно;

И посадя въ него сочленами слоновъ,

Прибавилъ больше къ нимъ ословъ.

Хотя слонамъ сидѣть съ ослиами и не вмѣстно,

Но левъ не могъ того числа слоновъ набрать,

Какому надлежало

Въ Совѣтъ засѣдать,

Ну, чтожъ? Пускай числа всего бы не достало,

Вѣдь этобъ не мѣшало

Дѣла производить.

Нѣтъ, какъ же? А уставъ ужели переступить?

Хоть будь ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ стало.

А сверхъ того, какъ левъ совѣтъ сей учреждалъ,

Онъ такъ разсуждалъ,

И все надеждой льстился,

Что умъ слоновъ

На разумъ наведетъ ословъ.

Однако, какъ Совѣтъ открылся,

Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли:

Ослы слоновъ съ ума свели.

ксанѣъ. Однакожъ не льва.

езопъ. Но левъ, для избѣжанія всякой опасности, пригласилъ только тѣхъ, до кого дѣло касалось; а имянно: Праксагору, Лесбію и Писсеена; — онъ не обходитъ.

ксанѣъ. Да, я ужъ объ этомъ думалъ; и такъ, я самъ пойду и приведу его; если Лесбія согласна.

лесбія. Ты видишь, что я нынче на все соглашаюсь.

ксанѣъ. Такъ меня сегодня Езопъ будетъ испытывать въ азбукѣ. . . : Нѣтъ, право ты очень забавенъ.

езопъ. Я очень бы желалъ, чтобъ и всё обо мнѣ тоже сказали.

ксанѣъ. Скажутъ. . . . (улыбался и глядя на Лесбію:) Но не всё могутъ тебя понять. . . .

езопъ. И мнѣ тоже кажется.

ксанѣъ. Да, да. . . (смыется): Мнѣ даже жалко Лесбію: какъ она недогадается. . . . Надобно признаться, что этотъ Езопъ очень не глупъ. . . . Какал выдумка! . . . Я отсюда вижу длинное

лицо Плисоена, когда дочь моя при немъ откажется. . . Не надо терять времени; оно насъ не дожидается. — И такъ, Езопъ, до свиданія,—приготовься же хорошенько мнѣ доказывать, что я . . . не знаю азбуки. *(смѣется и уходитъ)*

л е с в і я. Онъ смѣется. . . .

е з о п ъ. А ты чуть не плачешь; но черезъ нѣсколько минутъ ты будешь смѣяться, а онъ. . . .

л е с в і я. Не ужели плакать?

е з о п ъ. Нѣтъ, мы до слезъ его недопустимъ; благодаря боговъ, Езопъ еще никогда не заставлялъ плакать; кромѣ маленькихъ дѣтей, разумѣется.

III.

ТЪЪЪЕ И ПРАКСАГОРА.

п р а к с а г о р а. Куда побѣжалъ Ксанѳъ въ эту пору? . . . Ужъ не вздумалъ ли онъ пригласить всѣхъ своихъ учениковъ на ужинъ? . .

е з о п ъ. А развѣ съ нимъ это бываетъ?

п р а к с а г о р а. Нѣтъ; да куда же онъ побѣжалъ? Не опять ли въ свою школу; которая мнѣ до смерти надоѣла? . . . Она совсѣмъ вскружила голову моему мужу. Не безумное ли дѣло, хлопотать, мучиться, изъ того, чтобы сдѣлать цѣлый свѣтъ умнымъ.

е з о п ъ.

Какой-го банщикъ захотѣлъ

Добится бѣлизны на африканской кожѣ.

И ну араба мыть . . . Измучился: и что же?

Онъ въ пѣнѣ самъ, а все арабъ не побѣлѣлъ.

п р а к с а г о р а. А развѣ я ему не тоже цѣлый день твержу: изъ чего ты хлопочешь? Чего добиваешься? Сколько ни ломай себѣ головы, а дураки умнѣй не будутъ. Я не говорю, чтобы онъ вовсе не училъ кой чему за плату; да не тратилъ бы даромъ такъ много времени, здоровья и ума. . . .

е з о п ъ. И ума?

п р а к с а г о р а. Да, да; чѣмъ онъ больше учить другихъ, тѣмъ меньше самъ понимаетъ; и когда я у него требую на домашніе расходы, то всегда онъ говоритъ: я не понимаю отчего такъ много выходитъ на кушанье. . . . и не мудрено; если бы онъ за-

нялся вмѣсто своей Логикѣ моей кухней, то бы узналъ, чѣмъ держится домъ: его ли ученьемъ, или хозяйствомъ: а онъ же еще мнѣ слова не дастъ выговорить.

Е з о п ъ .

Съ пчелою курица затѣяла считаться,
И говоритъ пчелѣ: ну, подлинно, пчела!
Ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила.
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямь о чемъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ,
И каждый день яйцо несемъ.»
— Не смѣйся, курица пчела на то сказала:
Что я тебѣ не подражала,
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла и всѣмъ о томъ твердишь;
Такъ ты и заключила
Что праздно я живу Нѣтъ, нѣтъ!
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ по-болѣе трудится:
Мы, нашей матери наставлены умомъ,
Прилѣжностью, трудомъ
Себѣ уютный строимъ домъ,
И пищу со цвѣтовъ собираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яства услаждаемъ,
Во тѣмъ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.
Кого же мы съ пчелою и съ курицей сравнимъ?
Невѣжа п хвастунъ озлится,
Когда съ насѣдкою сравнится,
Такъ лучше мы къ пчелѣ науку примѣнимъ.

П Р А К С А Г О Р А . Такъ, точно такъ, я не спускаю дурнымъ людямъ и лѣнивцамъ. . . . Право, Езопъ, я начинаю любить твои басни, и ты бы самъ, не смотря на твое уродство, мнѣ очень пригодился, если бы зналъ толкъ въ кушаньяхъ.

езопъ. А развѣ я незнаю, какое самое лучшее и самое худшее блюдо? . . .

ПРАКСАГОРА. Какъ самое худшее и самое лучшее?

ЕЗОПЪ. То есть: самое полезное и самое вредное.

ПРАКСАГОРА. Да Ксанѳъ у себя въ домѣ находитъ всѣ дороги кушанья вредными, а на чужихъ обѣдахъ полезными.

ЕЗОПЪ. И мое также, смотря по обстоятельствамъ, и дешево и дорого, и полезно и вредно.

ПРАКСАГОРА. Да чтожь это такое? . . . А! знаю:—Устерсы; они близко моря дешевы, а далеко отъ моря дороги; они весной здоровы, и изъ каникулы ядъ, и для того ихъ лѣтомъ не ловятъ.

ЕЗОПЪ. А мое не только всегда ловятъ; но и оно само ловитъ.

ПРАКСАГОРА. Ловитъ?— Такъ это щука: и ее ловятъ рыбаки, и она ловитъ маленькихъ рыбъ.

ЕЗОПЪ. Не то: щука съ зубами, а мое безъ зубовъ; а остро и очень зло кусаетъ.

ПРАКСАГОРА. Какъ кусаетъ. . . А! знаю, знаю: драхва.

ЕЗОПЪ. Еще не то. драхва летаетъ, а мое не выходитъ изъ своего мѣста; но иногда заставляетъ летать.

ПРАКСАГОРА. Вотъ ужъ это что-то непонятное. . . Не выходитъ изъ своего мѣста. . . Черепаха! . . . Да она не заставляетъ, кажется, ниного летать. . . А! . . .

ЛЕСБІЯ. Я знаю только одно на это похожее.

ПРАКСАГОРА. Что?

ЛЕСБІЯ. Любовь.

ПРАКСАГОРА. Что за вздоръ.

ЛЕСБІЯ.

Ахъ! въ сердце врѣзавшись, его
Любовь на мигъ не оставляетъ;
Однако же быстрѣй всего
Летать въ насъ мысли заставляетъ. . .

ПРАКСАГОРА.

Да развѣ здѣсь объ этомъ рѣчь?

Ты вѣчно говоришь пустое:

И можно ли любовь испечь,

Или изжарить на жаркое?

езопъ. Конечно не можно; хотя любовь сама и печетъ, и жаритъ,— не такъ ли?

ЛЕСВІЯ. Ахъ!

ПРАКСАГОРА. И ты вздоръ заговорилъ: терпѣть не могу, когда дѣло съ бездѣльемъ мѣшпаютъ: дѣло въ моемъ кушаньи, а не въ ея любви;— и я хочу непременно, чтобы ты сказала. . . Нѣтъ, нѣтъ,— не говори. . . Я сама добьюсь. . . Самое худшее и самое лучшее. . . ловятъ, и само ловить; заставляетъ летать, и не летаетъ. . . Стало безъ крыльевъ?

езопъ. И безъ ногъ.

ПРАКСАГОРА. Безъ ногъ. . . Ужъ не змѣя ли какая?

езопъ. Не змѣя, а жалить.

ПРАКСАГОРА. И жалить. . . Вотъ еще новое? . . . Однакожь съ головой?

езопъ. Безъ головы, а только безъ хорошей головы никуда не годится.

ПРАКСАГОРА. Безъ головы, а безъ головы ни куда не годится! . . . Часъ отъ часу не легче. . . Или это вздоръ, или ты толкуешь неясно.

езопъ. Нельзя яснѣе.

ПРАКСАГОРА. Да твои загадки самъ Ксанеъ не пойметъ, хоть и говорить, что все знаетъ.

езопъ. А я ему докажу, что онъ и этого не знаетъ.

ПРАКСАГОРА. Неужели? . . . Такъ намекни—ка мнѣ хорошенько, чтобъ я догадалась.

езопъ. Изволь, я намекну; но съ уговоромъ. . .

ПРАКСАГОРА. Съ какимъ?

езопъ. Когда я намекну, ты догадаешься и тѣмъ докажешь Ксанеу, что ты больше его знаешь, это согласишься. . .

ПРАКСАГОРА. На что?

езопъ. Не спорить противъ того, на что онъ согласится, если я ему при тебѣ же докажу, что онъ не разберетъ простыхъ азбучныхъ буквъ.

ПРАКСАГОРА. Ахъ, какъ бы я хотѣла похохотать надъ его пристыженной мудростью. А на что же онъ согласится?

езопъ. Послѣ узнаешь.

ПРАКСАГОРА. Да ужъ это вѣрно не въ убытокъ?

езопъ. Напротивъ, это принесетъ богатство вашему дому.

ПРАКСАГОРА. Да чтожь такое? Говори скорѣй. . .

езопъ. Невозможно: и ты, если хочешь посмѣяться надъ нимъ, должна на все согласиться, клянусь тебѣ Гермесомъ, что раскаяться не будешь.

ПРАКСАГОРА. Такъ и быть: я согласна на все, на что Ксанеъ согласится. . . И не все ли равно, что теперь, что послѣ? — Вѣдь онъ упроситъ же меня.

ЛЕСБІЯ. Конечно, ты батюшку такъ любишь. . .

ПРАКСАГОРА. Люблю да не въ томъ дѣло. . . Я клянусь, что не буду спорить! . . . Ну, намекай же. . .

ЕЗОПЪ. Хорошо. . . Чѣмъ я говорю?

ЛЕСБІЯ. А!

ПРАКСАГОРА. Какъ, чѣмъ ты говоришь? Словами.

ЕЗОПЪ. А что произносить эти слова?

ПРАКСАГОРА. Губы.

ЕЗОПЪ. Да чтожъ за губами произносить звукъ?

ПРАКСАГОРА. Ну, — гортань.

ЕЗОПЪ. Да чтожъ между губъ и гортани?

ПРАКСАГОРА. Что? — Зубы.

ЛЕСБІЯ. (облизываясь сначала загадки) Езопъ. . . а?

ЕЗОПЪ. Давно вижу.

ПРАКСАГОРА. Не мѣшай. . . Чтожъ далѣе?

ЕЗОПЪ. Да, что далѣе зубовъ и ближе гортани? Чѣмъ говорю? . . . я. . .

ПРАКСАГОРА. Языкъ.

ЕЗОПЪ. Догадалась.

ПРАКСАГОРА. Какъ догадалась?

ЛЕСБІЯ. Да, матушка, языкъ всего лучше и всего. . .

ПРАКСАГОРА. Молчи. . . безъ тебя знаю. . . Да почему же?

ЕЗОПЪ. Онъ потому самое полезное, что люди имъ сообщаютъ свой умъ, и имъ же. . .

ПРАКСАГОРА. Бранить. . . Это я тотчасъ узнала. . . Да какъ же онъ заставляетъ летать?

ЕЗОПЪ. Давича твоя кухарка разсердила тебя своимъ языкомъ, — и твоя большая ложка въ нее тотчасъ полетѣла.

ПРАКСАГОРА. Такъ. Да какъ же мнѣ это не пришло въ голову? . . .

ЕЗОПЪ. А кухаркѣ пришло въ самый лобъ.

ПРАКСАГОРА. Да, такъ; безъ крыльевъ, безъ ногъ, не летаетъ. . . Ну какъ бы кажется тотчасъ не догадаться!

ЕЗОПЪ.

Случается не рѣдко намъ

И трудъ и мудрость видѣть тамъ,

Гдѣ стоитъ только догадаться,

За дѣло просто взяться.
 Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
 Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
 И всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался.
 Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
 Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:—«Ларецъ съ секретомъ»;

Такъ, онъ и безъ замка;
 А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
 Не смѣйтесь такъ изподтипка!
 Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
 Въ Механикѣ и я чего нибудь да стою.»
 Вотъ за ларецъ принялся онъ:
 Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
 И голову свою ломаетъ;
 То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
 Тутъ, глядя на него, иной
 Качаетъ головой;
 Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
 Въ ухахъ лишь только отдается:
 Не тутъ, не такъ, не тамъ. Механикъ пуще бѣтается.
 Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
 Отъ ларчика отсталъ,
 И какъ открыть его; никакъ не догадался:
 А ларчикъ просто открывался.

ПРАКСАГОРА. Однакожъ, я все таки догадалась. . . .

ЕЗОПЪ. Какъ же. . . .

ПРАКСАГОРА. Ну, посмѣюсь же надъ Ксанѳомъ.

ЕЗОПЪ. Посмѣешься. . . . А! да вотъ и онъ.

ПРАКСАГОРА. Съ Плисеѳомъ! . . . За чѣмъ?

ЕЗОПЪ. Развѣ ты хочешь торжествовать безъ свидѣтелей?

IV.

ТВЪЖЕ, КСАНФЪ И ПЛИСЕФЪ.

КСАНФЪ. А! вотъ ужъ здѣсь все собраніе. . . . Ну, Езопъ, давай учиться азбукъ: гдѣ она?

ЕЗОПЪ. Я вижу, что она подъ его мантией. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разбиранию буквъ, нужно, чтобы Плисеѳъ и

Лесбiя поклялись повиноваться безмолвно рѣшенiю Праксагора.

ПРАКСАГОРА. Умно.

ЕЗОПЪ. Но, разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда я проиграю закладъ.

КСАНЕЪ. Пусть ихъ клянутся.

ПРАКСАГОРА. И я не спорю.

КСАНЕЪ. Не споришь?

ПРАКСАГОРА. Да; и знаю для чего.

КСАНЕЪ. А! . . . Клянись же! . . .

ПЛИСЭЕНЪ И ЛЕСБИЯ.

Когда дастъ буквамъ объясненье

Самоскiй мудрый философъ,

То я клянусь ея рѣшенье

Исполнить безо всякихъ словъ.

Я всѣ страданiя, всѣ муки

Рѣшаюся переносить,

Но вѣрно знаю, что разлуки

Мнѣ съ нимъ никакъ не пережить,
съ ней

ПРАКСАГОРА. Ахъ! какъ она жалко клянется! . . .

КСАНЕЪ. Жалость—слабость.

ЕЗОПЪ. Дѣти поклялись;—и родители должны тоже сдѣлать.

КСАНЕЪ. И родители клянутся: если Езопъ убѣдитъ Ксанеа яснымъ и аргументальнымъ доказательствомъ, что Ксанеъ не понималъ смысла восьми буквъ, (*въ сторону*) чего быть не можетъ, (*вслухъ*) то Ксанеъ дастъ свободу Езопу, и выдастъ дочь свою за Плисэена.

ПРАКСАГОРА. Какъ выдастъ? . . . Я не клянусь.

ЕЗОПЪ. А языкъ

ПРАКСАГОРА. Проклятой языкъ! . . . Но все равно, языкъ или не языкъ; но я все

КСАНЕЪ. Праксагора, жена моя, стыдись! . . . Не ужели ты можешь подумать, что я

ПРАКСАГОРА. Да, я могу подумать, что конь о четырехъ ногахъ да спотыкается . . . что я сама . . . не дуря . . . но . . . все равно . . . только я

КСАНЕЪ. Выслушай. . . (*говоритъ ей на ухо:*)

ЕЗОПЪ. (*Лесби.*) Будь по веселѣй? онъ съ тобой, а съ нимъ твое счастье; вотъ она подъ мышкой. . . Но ты увѣрился ли во всемъ?

ПЛИСЭЕНЪ. Я сдѣлалъ, какъ ты велѣлъ.

ЕЗОПЪ. Хвала Зевесу! вотъ въ первый разъ мнѣ говорятъ: не я вело, а ты велѣлъ;—и это доброй знакъ.

КСАНЕЪ. (*Праксагоръ.*) Понимаешь? . . . (*Езопу.*) Ну, Езопъ, начинай мое испытаніе въ азбукъ. . . Итъ, я право теперь самъ себя смѣшонъ. . . того и гляжу, что онъ заставитъ меня читать буквы по порядку.

ЕЗОПЪ. Дѣло идетъ не объ этихъ буквяхъ.

КСАНЕЪ. А о какихъ же?

ЕЗОПЪ. Два путешественника разсматривали надгробныя надписи, и вдругъ увидѣли между гробницъ камень съ мѣдною доскою, на которой было написано: Р. З. Т. С. К. П. Е. Д. и одинъ изъ путешественниковъ, знаменитый философъ, славный риторъ, тотчасъ разобралъ надпись и сказалъ. . . Что онъ сказалъ?

КСАНЕЪ. Повтори буквы скорѣе, одна послѣ другой.

ЕЗОПЪ. Р. З. Т. С. К. П. Е. Д.—Буквы повторены; что же сказалъ философъ?

КСАНЕЪ. Философъ засмѣялся и сказалъ, что тутъ ни разбирать, ни толковать нечего; сами буквы все объясняютъ и просто и толково. Всякая буква по старинному нарѣчію заключаетъ въ себѣ подный смыслъ слова: и такъ: Р. З. Т. С. К. П. Е. Д. въ новомъ слогѣ значить: Говори земля твердое слово како: покой есть добро! то есть: покойникъ какъ бы изъ гроба говорить: Скажи земля, покрывающая тѣлннй мой прахъ, тѣмъ людямъ, которые, занимаясь брешностью жизни, беспокоятся, мучатся, мучать другихъ, влюбляются, ревнуютъ, досадуютъ, бѣсятся, ищутъ, ползаютъ, пресмыкаются и прочее: что покой смерти, которымъ я наслаждаюсь, есть истинное добро, блаженство, счастье, и прочая.— А? . . .

ПРАКСАГОРА. Точно такъ.

ЛЕСБІА. Я погибла;

ПЛИСЭЕНЪ. Ахъ, Езопъ. . .

ПРАКСАГОРА. Ну, Езопъ, ты видишь, что его языкъ стоитъ твоего,— (*обнимая Ксанеа*) Славно! ты не осрамилъ свою жену.

ЕЗОПЪ. И ты увѣренъ, что это толкованіе вѣрно, и что надпись значить то, что ты говорилъ?

КСАНЕЪ. А развѣ кто нибудь еще въ этомъ сомнѣвается?

ПРАКСАГОРА. Я увѣрена, и прошу Плисэена сейчасъ выдти изъ моего дома.

ЕЗОПЪ. Погоди не много, онъ еще намъ нуженъ.

ПРАКСАГОРА. На что?

езопъ. На доказательство.— (Илисеену:) Подай доску, (Ксан-
су.) размотри ее самъ,— и увѣрься въ буквяхъ.

ксанснѣ. Разсмотрѣлъ и увѣрился, что я не ошибся.

езопъ. И такъ мудрецъ сказалъ, давъ буквальный смыслъ
надписи, что онъ не ошибся.

ксанснѣ. И не можетъ ошибиться.

езопъ. И не можетъ ошибиться. А другой путешественникъ,
человѣкъ самой простой, который не смѣлъ равняться съ фило-
софомъ ни мудростію, ни знаніемъ, подумалъ, покачалъ головою,—
и сказалъ ему притчу:

Днемъ солнечнымъ желая насладиться;

По поднебесью Царь пернатый птицъ леталъ,

И тамъ гулялъ

Гдѣ молнія родится.

Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ

Царь—птица отдыхать садится на овинъ.

Хоть это для орла насѣстокъ незавидной;

Но у Царей свои причуды есть;

Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,

Иль не было вблизи ему по чину сѣсть

Ни дуба, ни скалы гранитной;

Не знаю, что за мысль, но только что Орелъ

Не много посидѣлъ,

И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.

Увидя то, хохлатая насѣдка

Толкуетъ такъ съ другой своей кумой:

«За что орлы въ чести такой?

Неужли за полеть, голубушка сосѣдка?

Ну право, если захочу,

Съ овина на овинъ и я перелечу.

Не будемъ же впередъ такія дуры,

Чтобъ почитать орловъ честиѣ насъ.

Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;

Да ты же видѣла сейчасъ,

Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры.»

Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:

— Ты права, только не совсѣмъ:

Но курамъ никогда съ орлами не подняться!

Когда поэтовъ судишь ты,

Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно,

Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно,

Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

КСАНЕЪ. Къ чему же сказала эту притчу человекъ простой? ЕЗОПЪ. А къ тому, чтобы тѣ, которые его слушаютъ, не судили о гениі, какъ куры: онъ, хоть и вознесся въ поднебесные предѣлы краснорѣчія, но можетъ ошпбаться въ азбучномъ объясненіи; но чрезъ то никакъ не будетъ равенъ какому нибудь рабу

КСАНЕЪ. А, продолжай!

ЕЗОПЪ. Простой человекъ объяснилъ басню; мудрецъ сказалъ: А! и улыбнулся, а простой человекъ, не говоря ни слова, пошелъ за ломомъ и заступомъ.

ПРАКСАГОРА. За ломомъ, и заступомъ? а это на что?

ЕЗОПЪ. На то, чтобы тотчасъ исполнить приказаніе доски.

ПРАКСАГОРА. Какъ?

ЕЗОПЪ. На ней написаны одиѣ заглавныя буквы, которыя сами по себѣ хоть и представляютъ тогъ смыслъ, которой нашель философъ; но съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ маленькихъ буквъ въ каждой заглавной, значить: рой землю, ты сыщешь кладъ подъ этой доскою.

ПРАКСАГОРА И ЛЕСІЯ. Кладъ?

КСАНЕЪ. Кладъ. . . . Не можетъ быть.

ЕЗОПЪ. Ты не вѣришь?

КСАНЕЪ. Гдѣ доказательство?

ЕЗОПЪ. Плисѣенъ, подай доказательство

ПЛИСѢЕНЪ. Вотъ оно; — (подаетъ ящичекъ) я его выкопалъ подъ этой доской.

КСАНЕЪ. Возможно ли! . . . да что въ немъ?

ЕЗОПЪ. Мы это увидимъ.

КСАНЕЪ. Какъ онъ тяжелъ . . . а какъ отворяется?

ПРАКСАГОРА. Просто, просто . . . онъ мнѣ объ этомъ сказывалъ.

ПЛИСѢЕНЪ. Нѣтъ, этотъ ящикъ отворяется ключемъ, которой я подъ нимъ нашель.

ЕЗОПЪ. Отопремъ же его . . . (отпираетъ ящикъ)

ПРАКСАГОРА. А гдѣ ты—нашель этотъ ящикъ?

ПЛИСѢЕНЪ. За городомъ между гробницъ.

ПРАКСАГОРА. Надобно-жъ къ моему несчастію, чтобы я терпѣть не могла гробницъ, а то бы вѣрно наша.

КСАНЕЪ. Нѣтъ, хвала Аѳинѣ, не я ошибся, а надпись: этой пишется съ э, а тутъ поставлено *естъ*.

ЕЗОПЪ. Покойникъ видно не былъ большой грамотей.

КСАНЕЪ. Его вина: для чего онъ не учился? . . . а я правъ, — и не согла . . .

ЕЗОПЪ, (*открываетъ лицикъ.*) Сколько золота!

ВСЪ. Ахъ! (*Езопъ закрываетъ лицикъ.*)

КСАНЕЪ. Зачѣмъ ты его закрылъ?

ЕЗОПЪ. Чтобъ не мѣшать тебѣ досказать, что ты началъ говорить.

КСАНЕЪ. А что бишь я началъ . . . Да все равно . . . открой лицикъ . . . (*беретъ золото въ руки*) И это все принадлежитъ Плисеену? . . .

ПЛИСЕЕНЪ. Лесбиа, если ты, позволишь . . .

КСАНЕЪ. Какъ ты думаешь, Праксагора, вѣдь мы проиграли закладъ . . . А!

ПРАКСАГОРА. О! конечно проиграли.

КСАНЕЪ. Да, я признаюсь, что я приведенъ въ заблужденіе-буквою *естъ* и не точно растолковалъ смыслъ восьми буквъ.

ЕЗОПЪ. (*Бросая вверхъ свою шапку.*) Такъ я свободенъ?

КСАНЕЪ. Да;—и мы, чтобъ исполнить нашу клятву, отдаемъ дочь за Плисеена.

ПРАКСАГОРА. Отдаемъ.

ЛЕСБИЯ. (*Бросаясь къ отцу и матери*) Ахъ, батюшка!
Ахъ, матушка!

ПЛИСЕЕНЪ. (*Обнимая Езопъ.*) Езопъ, ты отдалъ мнѣ это богатство.

ЕЗОПЪ. А ты купи мнѣ изъ него уголокъ земли,—и Езопъ будетъ счастливѣе всѣхъ въ свѣтѣ.

КСАНЕЪ. Езопъ сдѣлалъ насъ всѣхъ счастливыми,—и я хочу ему за то отслужить: завтра же поведу его къ Архонту; дамъ ему при немъ свободу; заставлю его прочесть иѣсколько басенъ, и пусть онъ судить, умѣю ли я цѣнить достоинство.

ЕЗОПЪ. Все это прекрасно; только я что-то боюсь судей . . .

КСАНЕЪ. Почему?

ЕЗОПЪ.

Оселеъ увидѣлъ соловья,

И говоритъ ему: послушай—ко дружнице!

Ты, сказываютъ, пѣть великой мастерице:

Хотѣлъ бы очень я

Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,

Велико ли въ тебѣ умѣнье?

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:

Зацолкалъ, засвисталъ

На тысячу ладовъ, тинуль, переливался,

То нѣжно онъ ослабѣвать,

И томной вдалекѣ свирѣло отдавался,

То мелкой дробью вдругъ по ронцѣ разсыпался.

Внимало все тогда

Любимцу и пѣвцу Авроры

Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры

И прилегли стада.

Чуть, чуть дыша, пастухъ имъ любовался,

И только иногда,

Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

Скочагъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,

Изрядно, говорить, сказать не ложно,

Тебя безъ скуки слушать можно;

А жаль, что не знакомъ

Ты съ нашимъ пѣтухомъ:

Еще-бъ ты болѣ навострился,

Когда бы у него немножко поучился.

Услыша судъ такой, мой бѣдной соловей

Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ такихъ судей.

Л Е С В Я .

Не авторъ вздумалъ съ соловьемъ

Въ сравненіе себя поставить:

Нѣтъ, онъ хотѣлъ чужимъ умомъ

Вамъ удовольствіе доставить.

Онъ къ критикѣ всегда готовъ;

Его, коль стоитъ онъ, хулите;

Но пѣсни славныхъ соловьевъ

Къ намъ слушать чаще приходите;

А кто жъ они?—Со мной скажите:

Хемницеръ, Дмитріевъ, Крыловъ.